

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

CRIME COUNTERACTION AND CRIMINOLOGICAL SECURITY

Научная статья

УДК 343.9

EDN SOIXAZ

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(5).397-410

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ВОПРОСЫ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА

И.А. Дамм, А.Н. Тарбагаев

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

8 сентября 2023 г.

Дата принятия к публикации

1 ноября 2023 г.

Дата онлайн-размещения

21 ноября 2023 г.

Ключевые слова

Антикриминальная политика;
противодействие преступности;
криминология; уголовное право;
политика; криминологическая
политика; уголовная политика;
уголовно-правовая политика

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы определения и иерархизации структурных элементов политики противодействия преступности. На основе анализа сложившихся в научной литературе подходов к пониманию таких категорий, как «уголовная политика», «уголовно-правовая политика», «уголовно-процессуальная политика», «уголовно-исполнительная политика», «криминологическая политика», «антикриминальная политика», «государственная политика в сфере противодействия преступности», а также тенденций законодательства авторы приходят к следующим выводам. На данном этапе развития научного знания родовым понятием, характеризующим совокупность мер реагирования на преступность, выступает понятие «антикриминальная политика», которое по объему близко к понятию «политика в сфере противодействия преступности». По своей сути уголовная политика и есть политика борьбы с преступностью, реализуемая правоохранительными органами с использованием средств уголовно-правового воздействия. В свою очередь, изучение тенденций развития криминологической политики позволяет сделать вывод о том, что криминологическая политика по своей природе и содержанию тяготеет к антикриминальной политике и является вышестоящей категорией относительно политик иных наук антикриминального цикла (уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и др.). Отмечаемый ведущими отечественными учеными кризис развития уголовной политики, как и криминологии, создает предпосылки для поиска новых подходов к научному обоснованию и организации междисциплинарного противодействия преступности.

Original article

CORRUPTION COUNTERACTION POLICY: ISSUES OF CONCEPTUAL-CATEGORICAL APPARATUS

Irina A. Damm, Aleksey N. Tarbagaev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the Russian Federation

Article info

Received

2023 September 8

Accepted

2023 November 1

Available online

2023 November 21

Keywords

Anticriminal policy; crime
counteraction; criminology; criminal
law; policy; criminological policy;
criminal policy; criminal law policy

Abstract. The authors examine the definitions and hierarchy of the structural elements of crime counteraction policy. They analyze the established theoretical approaches to the understanding of such categories as «criminal policy», «criminal law policy», «criminal procedure policy», «penitentiary policy», «criminological policy», «anticriminal policy», «state policy in the sphere of crime counteraction», as well as legislative trends, and come to the following conclusions. At the current stage of scientific knowledge development, the generic concept for the aggregate of measures to counteract corruption is the concept of «anticriminal policy», whose scope is close to that of the concept «policy in the sphere of crime counteraction». In its essence, criminal policy is the policy of counteracting corruption implemented by law enforcement bodies through the means of criminal law impact. In its turn, the research of the criminological policy development trends allows the authors to conclude that criminological policy corresponds to anticriminal policy in its nature and content, and is a higher category in reference to other policies of the anticriminal cycle (criminal law, criminal procedure, penitentiary, etc.). A crisis in the development of both criminal policy

and criminology, observed by many Russian scholars, creates prerequisites for finding new approaches to the scientific substantiation and organization of interdisciplinary crime counteraction.

Человечество издревле предпринимает попытки воздействия на преступность различными способами и средствами. На протяжении многих веков одним из ключевых средств такого воздействия выступает установление уголовно-правовых запретов, причем содержание этих запретов меняется вместе с трансформацией государственного развития и во многом зависит от совокупности социально-политических и экономических факторов.

Усиление политических аспектов в изучении проблем сдерживания наиболее опасных форм отклоняющегося поведения требует прежде всего уточнения понятийного аппарата, а также рассмотрения общих, концептуальных вопросов, полагает А.И. Коробеев [1, с. 7]. Это утверждение в полной мере соответствует вопросам определения понятийно-категориального аппарата воздействия на преступность.

Процессы предупреждения преступности путем формирования и обеспечения функционирования уголовно-правовых запретов получили терминологическое обозначение «уголовная политика». В одной из первых фундаментальных работ «Задачи уголовной политики» (1894) Франц фон Лист предлагал под уголовной политикой понимать «совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, — оснований, соотносясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением» [2, с. 7–8], при этом автор отмечал, что «уголовно-политические исследования не относятся к задачам и компетенциям юристов» [там же, с. 9], а в науку уголовного права входит «только правовое рассмотрение преступления и наказания» [там же, с. 8]. Уже в тот период он поднимал проблему терминологии и ставил вопрос: «Каким общим выражением мы можем охватить уголовное право и уголовную политику?» [2, с. 9]. По мнению профессора фон Листа, уголовная политика по отношению к уголовному праву выступает как «равноправная наука-сестра» (gleichberechtigte Schwesterwissenschaft) [3, с. 79].

В отечественной дореволюционной науке профессор М.П. Чубинский в работе «Очерки уголовной политики» (1905), анализируя под-

ходы к пониманию и содержанию уголовной политики в трудах ведущих зарубежных и отечественных ученых, также отмечал отсутствие терминологического единства [3, с. 80–81]. В свою очередь, он полагал, что «уголовная политика есть ветвь науки уголовного права; она призвана вырабатывать указания для наилучшей постановки в данной стране дела уголовного правосудия как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства. Поэтому она распадается на политику превентивную и политику репрессивную и имеет главной, но не единственной задачей борьбу с преступностью» [3, с. 92].

Большую часть периода существования советского государства теоретическое осмысление уголовной политики практически не осуществлялось, поскольку руководящую роль играл идеологический догмат о неизбежном снижении уровня преступности в связи с устранением антагонистических классовых противоречий. Развенчание этой идеи обусловило повышение в 70-е гг. прошлого столетия интереса к исследованиям преступности и способам ее предупреждения. Ставшая доступной статистическая информация о состоянии преступности во взаимосвязи с необходимостью противодействия ей с использованием арсенала уголовно-правовых и иных средств, после почти полувека идеологических скитаний, дала мощный импульс к параллельному развитию научных представлений об уголовной политике и процессу оформления криминологии в самостоятельную науку. В связи с этим вполне закономерным стало развитие вопросов борьбы с преступностью в рамках уголовной политики на базе уже оформившегося уголовного права, а не в рамках только начинающей развиваться криминологии.

Последовательное познание сущностных характеристик *уголовной политики* осуществлялось в трудах ведущих ученых позднего советского (А.А. Герцензон, П.С. Дагель, П.Н. Панченко и др.), постсоветского и современного (А.И. Александров, М.М. Бабаев, А.И. Бойко, С.С. Босхолов, О.В. Дамаскин, В.К. Дуюнов, А.И. Коробеев, С.В. Максимов, В.А. Маслов, Н.А. Лопашенко, Ю.Е. Пудовочкин и др.) периодов. Изучение авторских определений уголовной политики сви-

детельствует о разности используемой для ее характеристики терминологии. Однако к числу ключевых характерных черт уголовной политики авторы ранних исследований относят борьбу с преступностью, более поздних — противодействие ей. Так, П.С. Дагель в монографии «Проблемы советской уголовной политики» (1982) указывал, что «советская уголовная политика — это политика КПСС и Советского государства в сфере борьбы с преступностью. Она определяет основные направления, цели и средства борьбы с преступностью и выражается в партийных документах, нормах советского права и деятельности государственных органов, общественных организаций и всех трудящихся, направленной на эту борьбу» [4, с. 5]. В понимании В.А. Маслова уголовная политика — это «стратегическая деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности» [5, с. 106].

В наиболее концентрированном виде уголовная политика государства, по мнению А.И. Александрова, отражается в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. В первом государство устанавливает предмет уголовно-правовой охраны, основания и принципы уголовной ответственности, виды наказаний, а во втором определяет порядок реализации норм материального права [6, с. 36].

Научное познание категории «уголовная политика» обусловило оформление ее целей и задач, содержания и функций. В развитии представлений о содержании уголовной политики наметилась тенденция к обособлению уголовно-правовой политики. «Уголовно-правовая политика, представляя собой ядро и нормативную базу всей уголовной политики, является ее составной частью, структурным элементом», — приходит к выводу Ю.В. Недотко [7, с. 7]. Современная уголовная политика существенно шире по содержанию, чем уголовно-правовая политика, отмечает Г.Ю. Лесников, поскольку «по отношению к уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслям права уголовная политика выполняет методологическую роль» [8, с. 73]. В свою очередь, материальное право, по мнению А.И. Бойко, имеет «технологическое первенство», поскольку «вначале власть решает, что делать с преступностью, какие деяния относить к категории преступных и какие дозы ответственности будут впору, а затем уже (на базе принятых в материально-правовой области решений) устанавливаются

процессуальные порядки и пенитенциарные режимы, роль которых в сфере борьбы с преступностью не менее важна» [9, с. 216–217].

Обоснованное выделение уголовно-правовой политики в самостоятельное направление привело к возникновению терминологической разногласии, когда одни авторы под уголовной политикой понимают уголовно-правовую политику и наоборот или же используют данные понятия как равнозначные. Как отмечает Н.А. Лопашенко, «различное определение содержания и объема уголовной политики заключается, по существу, в широком, среднем или узком толковании уголовной политики, которое, в свою очередь, определяется тем, в чем тот или иной автор видит предназначение этой политики и как он увязывает ее с другими разновидностями выделяемых в науке близких политик» [10, с. 6]. Аналогичным образом узкий и широкий подходы к соотношению уголовной политики и уголовно-правовой политики (где в узком смысле названные понятия используются как взаимозаменяемые, тождественные) разделяют и другие исследователи [11; 12]. Однако с данной позицией не согласен В.А. Маслов, считающий, что рассматриваемые категории могут соотноситься только как часть и целое [5, с. 119].

В структуре современной уголовной политики традиционно выделяют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политики. Некоторые авторы не ограничиваются названными элементами и добавляют криминологическую политику (М.М. Бабаев), криминологическую (профилактическую) политику (Э.Ф. Побегайло), уголовно-превентивную политику и уголовно-организационную политику (А.И. Александров), постпенитенциарную политику (М.М. Бабаев, В.А. Маслов), уголовно-розыскную политику (А.И. Александров, А.В. Ендольцева, Ю.В. Ендольцева, Н.И. Платонова), административно-правовую политику (Э.Ф. Побегайло).

Представленный спектр основных подходов к выделению элементов уголовной политики свидетельствует об отсутствии терминологического единства в определении предупредительного направления, в наименовании которого используются термины «криминологическая политика», «криминологическая (профилактическая) политика» или «уголовно-превентивная политика». Анализируя структуру уголовной политики, А.И. Коробеев приходит к выводу, что «политике в области профилактики преступлений «не повезло» и она в указанную систему не

вписалась. Возможно, так произошло потому, что профилактика преступлений в те времена (как, впрочем, и до сих пор) не оформилась в особую комплексную отрасль права, а профилактическая (лучше сказать — криминологическая) политика не имеет единой законодательной основы» [1, с. 10]. Такое положение представляется закономерным ввиду отсутствия сложившегося концептуального криминологического обоснования содержания и места данного направления в структуре не только уголовной политики, но и междисциплинарного научного знания о преступности и противодействии ей.

В научной литературе ряд авторов используют термин «уголовная политика» как синонимичный термину «*политика борьбы с преступностью*». Так, С.В. Максимов исходит из тождества категорий уголовной политики и политики борьбы с преступностью, охватывающих систему взаимосвязанных профилактических, оперативно-розыскных, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и иных мер нормотворческого, правоприменительного и организационного характера [13, с. 16].

Разброс позиций по поводу статуса, содержания, структуры и места уголовной политики в системе современного научного знания весьма существенен. М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин приходят к выводу о том, что «современный научный статус уголовной политики до конца не прояснен: общепринятая точка зрения до сих пор не найдена» [14, с. 6]. В свою очередь, уголовно-правовая политика, по утверждению А.И. Коробеева, «как та часть уголовной политики, которая вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения, находится не только в состоянии глубокого кризиса, но и в известном смысле на распутье» [1, с. 4; 15, с. 211].

Сложившаяся ситуация, по нашему мнению, отчасти обусловлена тем, что изучением проблем уголовной политики занимаются преимущественно специалисты в области уголовного права, что неизбежно отражается на результатах таких исследований, осуществляющихся сквозь призму базовых отраслевых установок. Сказанное ни в коей мере не обесценивает колоссальный вклад специалистов уголовного права в развитие концептуально-теоретических основ уголовной политики, а лишь подчеркивает сложность рассматриваемого феномена. Благодаря всем этим исследованиям появилась

добротной проработанная научная основа для последующего познания.

Непрекращающийся поиск научной идентичности характерен и для криминологии. В процессе становления данной науки последовательно оформлялся предмет ее исследований. Преступность, ее причины и условия, личность преступника, а также предупреждение преступности традиционно образуют основу предмета криминологии [16, с. 3–5; 17, с. 4–8; 18, с. 1–7; 19, с. 10–14]. Ключевой из указанных категорий является именно преступность, поскольку от подхода к ее пониманию, по мнению И.М. Мацкевича, будет зависеть не только осмысление общих проблем криминологии, но и направление развития данной отрасли научного знания [20, с. 526]. Как отмечает С.М. Иншаков, «преступность — основной объект криминологического изучения. Одновременно преступность — главный объект разрабатываемых криминологией мер. Все выводы криминологии, рекомендации и предложения, вырабатываемые в рамках этой науки, направлены на достижение главной цели — оказание разрушающего воздействия на это общественно опасное явление» [21, с. 5].

В процессе активного развития научных исследований предупреждения преступности в криминологии стали формироваться разные подходы к наименованию соответствующего раздела даже в содержании учебников. Ведущие криминологи стали называть разделы: «Предупреждение преступности» [16; 17; 22–26], «Борьба с преступностью» [27], «Противодействие преступности» [28], «Воздействие на преступность» [21], «Социальный контроль над преступностью» [29], «Криминологическая политика» [30].

Проблемы терминологического аппарата были подняты уже в первом учебнике по криминологии, изданном в СССР в 1966 г. под редакцией А.А. Герцензона, И.И. Карпеца и В.Н. Кудрявцева. Так, в разделе «Предупреждение преступности» отмечалось, что «для характеристики деятельности по предупреждению преступлений употребляется ряд терминов: «предотвращение преступлений», «предупреждение преступности», «профилактика преступности», «пресечение преступлений» [31, с. 111], а также сделан вывод, что «если брать эти определения в широком смысле слова, они по смыслу совпадают» [там же].

В монографии «Теоретические основы предупреждения преступности» (1977) под редакцией В.К. Звирбуля, В.В. Клочкова и Г.М. Минь-

ковского указывается обозначенная выше терминологическая разобщенность с уточнением, что «в одних случаях они применяются в качестве равнозначных, а в других — с разграничением сферы применения. Картина усложняется еще более, если учесть, что в криминологии и уголовном праве одни и те же термины употребляются в разном смысле» [32, с. 41]. Авторы рассматриваемой монографии приходят к выводу, что «теория предупреждения преступности призвана определять направления исследований проблемы предупреждения преступности и иных правонарушений, антиобщественного поведения в целом другими отраслями юридической науки, общественными, естественными и техническими науками. Она находится «на стыке» с указанными науками и должна вместе с ними разрабатывать пограничную проблему предупреждения антиобщественного поведения» [там же, с. 9].

Столь масштабные междисциплинарные задачи для криминологии на начальном этапе ее развития оказались неподъемными ввиду сложности материала для системно-структурного научного оформления. Непрекращающиеся дискуссии о границах предмета науки, ее статусе и компетенциях криминолога привели к появлению основных авторских концепций теоретических основ криминологического знания, изложенных преимущественно в учебниках, а также сравнительно большому числу отраслевых научных исследований предупреждения различных видов преступности, публикуемых в статьях и монографиях. Общая теория предупреждения преступности, образно выражаясь, застыла в ожидании нового витка своего развития.

Наблюдаемая стагнация криминологии, с одной стороны, представляет собой следствие отсутствия интереса государства к построению системы предупреждения преступности. Исключение и последующее возвращение криминологии в число обязательных дисциплин по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» являются ярким тому подтверждением [33]. Увы, на данном этапе развития нашего общества и государства такое положение представляется вполне закономерным, поскольку сложившаяся система уголовной репрессии в целом позволяет сохранять стабильность государственного развития, а также обеспечивает не вызывающий острого социального конфликта уровень удовлетворенности потребностей населения в защите от криминальных угроз. Од-

нако следует учитывать, что значимая часть населения нашего государства еще хорошо помнит разгул преступности 90-х гг. прошлого века и видит современные положительные изменения. Полагаем, что ожидание будущих поколений от деятельности государства по противодействию преступности будет уже иным, в связи с чем вопросы предупреждения преступлений, а не реагирования на их последствия неизбежно приобретут актуальность.

С другой стороны, в отсутствие в настоящее время социально-политического запроса на формирование научно обоснованной системы предупреждения преступности на общем уровне параллельно развиваются подсистемы противодействия отдельным видам преступности. Так, на повестке современной государственной политики стоят вопросы формирования правовых и организационных основ противодействия терроризму, экстремизму и коррупции. Криминологический анализ достоинств и недостатков решения этих отраслевых задач вполне может стать катализатором формирования общей научно обоснованной системы антикриминальной политики.

Антикриминальная политика как научная категория сравнительно недавно вошла в научный оборот и используется преимущественно криминологами (А.И. Долгова, Г.Н. Горшенков, М.П. Клейменов, В.А. Номоконов, Н.В. Щедрин и др.). Намечившиеся основные направления исследований данной категории представляются весьма перспективными, поскольку позволяют использовать интеграционный подход в познании преступности и способов противодействия ей.

Антикриминальная политика, по мнению Г.Н. Горшенкова, может быть определена как «направление внутренней государственной политики, ориентированное на разработку и реализацию стратегической линии и тактических целей, принципов и средств, или возможностей специализированных (уголовно-правового, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, тактико-специального, в целом правоохранительного) институтов государственного управления в обеспечении защищенности личности, общества и государства от криминальной угрозы в реальной криминологической ситуации» [34, с. 301]. В структуру государственной антикриминальной политики, полагает В.С. Джатиев, входят уголовная политика, уголовно-процессуальная политика, уголовно-

исполнительная политика, прокурорско-надзорная политика [35, с. 33]. Автор считает, что «наряду и даже в первую очередь с перечисленными компонентами в структуру государственной антикриминальной политики необходимо включить и государственную криминологическую политику» [там же].

Представленные подходы отражают ядерное содержание антикриминальной политики, а именно аспекты ее воздействия на преступность силами правоохранительных органов и преимущественно средствами уголовно-правового воздействия. Научной перспективой обладает мнение о том, что по своей сущности антикриминальная политика представляет собой не отрасль (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, криминологическая и т.п.), а междотраслевую, или родовую, теорию [34, с. 302].

Вопрос соотношения антикриминальной политики и *криминологической политики* в теории криминологии пока не решен ввиду параллельного развития исследований данных категорий. Фундаментальные исследования криминологической политики на сегодняшний день практически отсутствуют. Лишь немногие из числа авторитетных криминологов приступили к познанию этой категории. М.П. Клейменов полагает, что «криминологическая политика осуществляется в рамках различных парадигм, среди которых выделяются две полярные модели: тоталитарная и либеральная. Они сопрягаются с типами политических режимов, но главное — с их идеологической определенностью и практической апробированностью» [30, с. 201]. Актуальными направлениями криминологической политики, по мнению М.П. Клейменова, являются «предупреждение преступности, совершенствование законодательства, оптимизация правоприменительной деятельности, криминологический менеджмент, включая обеспечение безопасности, а также международное взаимодействие и сотрудничество» [там же, с. 208].

Криминологическая политика, как считает В.А. Номоконов, — это политика в области профилактики преступлений. Автор полагает, что в узком значении она «включает только специально-криминологические меры, в том числе т.н. криминологическое законодательство» [36, с. 76]. В свою очередь, «в широком значении криминологическая политика совпадает с антикриминальной политикой, включает т.н. общесоциальные меры — политические, правовые (правовую политику: конституционные, адми-

нистративные, гражданско-правовые меры), организационные, экономические, социально-культурные, идеологические, образовательно-воспитательные (педагогические), психологические, религиозные» [36, с. 76]. Такое видение соотношения рассматриваемых политик обладает признаками научной прозорливости и готовит почву для дальнейших размышлений о месте криминологической политики в структуре научного знания.

Значимые разногласия звучат в научной литературе в вопросах соотношения уголовной и криминологической политики. В теории уголовной политики, как уже было указано ранее, криминологическая политика выступает лишь структурным элементом, наряду с уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и другими политиками. По мнению А.И. Бойко, «для уголовной политики есть лишь один потенциальный конкурент на лидерство в криминальной сфере — криминологическая (профилактическая) политика, которая в силу масштабности своего предмета — преступности в целом, ее причин и условий, способов противодействия ей — когда-то выйдет на первые роли в рамках единой уголовной политики. Но это случится не скоро: пока криминология лишь питает уголовную политику цифровыми и прочими сведениями, рекомендациями, планами; выступает «одной из форм применения конкретно-социологического метода в исследовании уголовно-правовых проблем» [9, с. 217].

В свою очередь, в теории криминологии звучат мнения о принадлежности уголовной политики структуре криминологического знания [37]. Такой подход на данном этапе представляется своего рода «рейдерским захватом» значимых наработок специалистов в области уголовного права криминологами. Вместе с этим принадлежность уголовной политики уголовному праву, в отличие от уголовно-правовой политики, весьма условна. Междисциплинарный характер вопросов, изучаемых в содержании современной уголовной политики, рано или поздно обострит вопрос о ее месте в структуре научного знания.

Взаимосвязи криминологии и уголовной политики все чаще становятся предметом научных исследований. Анализируя криминологические основы уголовной политики, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин отмечают, что «криминологическая экспансия во все сферы уголовной политики становится объективно необходимой и

неизбежной» [14, с. 30]. В свою очередь, «криминологические знания, криминологическая оценка факторов, влияющих на принятие управленческих решений в рамках уголовно-правовой политики, абсолютно необходимы для того, чтобы она была эффективной. Об этом в данном случае можно судить на примере процессов криминализации и декриминализации» [там же, с. 32]. Признавая криминализацию и декриминализацию вопросами уголовной политики, Л.М. Прозументов и А.В. Шеслер включают их в содержание учебника по криминологии отдельным разделом «Криминализация и декриминализация деяний» [38, с. 208–228].

Диссонанс в рассматриваемые вопросы понятийно-категориального аппарата вносит законодательство. Следует отметить, что попытки принятия родового федерального закона о предупреждении преступности предпринимались, но успехом не увенчались. Так, в 1996 г. В.В. Лунеевым был опубликован проект закона «О предупреждении преступности» [39], в 2000 г. в Государственную Думу РФ Правительством РФ был внесен проект федерального закона «Об основах государственной системы предупреждения преступлений» № 10090-3. В свою очередь, в современной криминологической доктрине последовательно развиваются идеи о структуре и содержании криминологического законодательства [40–43]. Однако пока это лишь идеи.

В настоящее время на общем уровне принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, в котором наблюдается существенная терминологическая разобщенность. Так, в ст. 6 указанного федерального закона в качестве основных направлений профилактики правонарушений указываются: предупреждение правонарушений (ч. 2); противодействие незаконной миграции (ч. 6); предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних (ч. 7); противодействие терроризму и экстремистской деятельности (ч. 8); противодействие коррупции, выявление и устранение причин и условий ее возникновения (ч. 12). Соответственно, в специальном законе о профилактике правонарушений понятия «профилактика», «предупреждение» и «противодействие» не встроены в уже сложившуюся в других федеральных законах терминологическую иерархию [44].

В ряде отраслевых федеральных законов прослеживается тенденция к оформлению законодательных терминологических конструкций. В одном из первых таких законов, а именно в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ, в статье, посвященной основным понятиям, определение противодействия данному виду противоправной деятельности отсутствует. Глава II закона называется «Предупреждение легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма», а первая статья в данной главе — «Меры, направленные на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ст. 4). Соответственно, в одном из первых отраслевых законов понятийная система не выстроена, однако в правовой оборот введен в качестве общего термин «противодействие».

Последовательное формирование унифицированного законодательного понятийно-категориального аппарата прослеживается в более поздних федеральных законах «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ и «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» выстроена следующая терминологическая иерархия. Вся совокупность мер реагирования на коррупцию обозначена общим термином «противодействие коррупции», который раскрывается как «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий» (ч. 2 ст. 1). Кроме того, в рассматриваемом понятии определяются направления такой деятельности:

- «а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
- б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);
- в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений».

Анализ приведенных в федеральном законе «О противодействии коррупции» положений позволяет сделать вывод, что разграничение предупреждения коррупции и борьбы с коррупцией осуществляется по содержанию воздействия и по субъектам.

Первое направление противодействия коррупции в анализируемом федеральном законе называется *профилактикой коррупции*, т.е. деятельностью «по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции». Системное толкование положений анализируемого закона позволяет сделать вывод, что термины «предупреждение» и «профилактика» используются как взаимозаменяемые. Так, один из принципов противодействия коррупции звучит как «приоритетное применение мер по предупреждению коррупции» (ч. 6 ст. 3), а соответствующая статья о мерах именуется «Меры по профилактике коррупции» (ст. 6). *Субъектами профилактики коррупции*, исходя из совокупного толкования положений анализируемого закона, выступают все субъекты противодействия коррупции (федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица в пределах их полномочий).

Второе направление, названное в определении противодействия коррупции в рассматриваемом федеральном законе, — *борьба с коррупцией*, которая представляет собой деятельность «по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений».

К основным *субъектам борьбы* относятся правоохранительные органы, поскольку именно в их полномочия, помимо предупреждения, входят такие виды деятельности, как пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений. В свою очередь, в силу прямого указания федерального закона деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов Федеральной службы безопасности, таможенных органов Российской Федерации и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализацию иных полномочий в области противодействия коррупции, установленных федеральными законами, координируют генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему

прокуроры (ч. 6 ст. 5 федерального закона «О противодействии коррупции»). Важно отметить, что борьба как самостоятельное направление противодействия коррупции, помимо иных видов деятельности (выявление, пресечение, раскрытие и расследование), включает в себя также и предупреждение коррупции. Реализуемое в рамках борьбы с коррупцией предупреждение осуществляется, соответственно, специальными субъектами борьбы с коррупцией — правоохранительными органами.

В рассматриваемом федеральном законе профилактика коррупции ориентирована на предупреждение коррупции во всем многообразии форм ее проявлений: от этических нарушений до преступлений. В свою очередь, борьба имеет целью воздействие на коррупционные правонарушения. Соответственно, противодействие коррупции осуществляется широким кругом субъектов в отношении всего спектра коррупционных проявлений.

Итак, в федеральном законодательстве на примере экстремизма, терроризма и коррупции представлена терминологическая конструкция, которую следует признать вполне приемлемой. Профилактика соответствует распространенному в криминологии представлению об «общесоциальном» предупреждении преступности, а указание на предупреждение в рамках борьбы вписывается в «специально-криминологическое» предупреждение. Профилактика осуществляется широким кругом лиц с использованием междисциплинарных достижений, в свою очередь, борьба логично объединяет в себе ресурсы наук уголовно-правового цикла и деятельность правоохранительных органов.

Соответствующие положения законодательства оказали влияние на научные терминологические тренды. Специально проведенное исследование наименований диссертационных исследований по коррупционной проблематике на соискание степени доктора или кандидата юридических наук показало, что в наименованиях таких работ используется преимущественно термин «противодействие» и значительно реже — «предупреждение» или «борьба» [45].

Термин «противодействие» все чаще звучит в качестве общего применительно ко всем разновидностям воздействия на преступность. Так, Д.А. Шестаков, анализируя представленные выше авторские подходы в криминологии, приходит к выводу, что «более подходящим является термин «противодействие», который ори-

ентирует не столько на владение информацией о преступности (ее созерцание), сколько на активные меры против нее. Под противодействием преступности в духе сложившихся в мировой криминологии традиций понимается общественный механизм, стимулирующий правопослушность человеческого поведения, ослабление причин совершения преступлений, уменьшение опасности преступности» [28, с. 151].

Заслуживающей внимания, но с некоторыми оговорками, следует признать концепцию В.К. Дуюнова, который полагает, что государственная политика противодействия преступности является составной частью и видом (подвидом) государственной социальной политики и представляет собой обусловленное социальной потребностью специальное направление деятельности государства (при участии и поддержке институтов гражданского общества и отдельных граждан), связанное с разработкой и реализацией стратегии и тактики (генеральной линии) организованного сопротивления преступности и иным правонарушениям [46, с. 23]. отождествление всей политики государства в сфере противодействия преступности с уголовной политикой и попытки «уместить» в содержание последней все усилия государства по противодействию преступности, по мнению автора, необоснованны [там же, с. 25].

Единая и цельная, но сложная по своему составу, содержанию, структуре и целям политика противодействия преступности реализуется, считает В.К. Дуюнов, через обеспечивающие ее и структурно «подчиненные» ей содержательно более конкретные и более предметные виды политики второго уровня: политику предупреждения преступлений и политику реагирования на преступления [там же]. Разделяя значимость категории «политика противодействия преступности», полагаем не вполне обоснованным терминологическое обозначение ее видов: политика предупреждения преступлений и политика реагирования на преступления. Полагаем, что вся система противодействия призвана реагировать на преступность различными по своему содержанию способами и средствами. Кроме того, не является очевидной логика построения иерархии политик, где родовая политика ориентирована на «противодействие преступности», а видовые политики — на предупреждение или реагирование на преступления, а не преступность в целом.

Смелость научных гипотез катализирует поиск истинного знания, что позволяет науке раз-

виваться. В структуре современного научного знания место, содержание и иерархия понятий «уголовная политика», «политика борьбы с преступностью», «криминологическая политика», «политика противодействия преступности» так и не определены. Не вносит ясности и действующее законодательство. Однако научные и правоприменительные отраслевые традиции, а также законодательные положения не могут существовать в отрыве друг от друга. Анализируя терминологические подходы, Н.В. Щедрин пришел к выводу, что «одно и то же понятие мы маркируем разными терминами, или, наоборот, употребляя одинаковые термины, мы вкладываем в них разное содержание. В результате дискутируем почти по каждому тезису, отпугивая работодателей и вводя в ступор студентов, прочитавших больше одного учебника по криминологии». Единственный выход из этой ситуации Н.В. Щедрин видел в соглашении, при этом «какими словосочетаниями обозначить ключевые понятия криминологии — не так уж важно. Главное — уточнить и унифицировать их объем и содержание, а затем однозначно употреблять. В логике для этого существует специальный прием — «терминологическая конвенция», когда стороны договариваются об однозначном употреблении того или иного понятия» [47].

Использование учеными, правотворцами и правоприменителями своих «диалектов» может привести к тому, что систему адекватного реагирования на преступность, как Вавилонскую башню, станет выстраивать крайне затруднительно. В таком положении отрыв законодательства от науки вполне закономерен, когда последняя не может определиться с базовой терминологией.

В русле высказанных опасений считаем, что этимология термина «противодействие» вполне располагает к рассмотрению его научным и практическим сообществом в качестве общего. Кроме того, «противодействие» уже используется в качестве такового в законодательстве.

Буквальное толкование слова «действие» означает «проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также саму силу, деятельность, функционирование чего-нибудь» [48, с. 157]. В свою очередь, противодействие определяется как «действие, препятствующее другому действию» [там же, с. 624]. Соответственно, данный термин характеризует направленность действия, осуществляемого в отношении чего-либо со значимым смысловым уточнением, именно «против».

Противодействие преступности как правовая категория является универсальным и связано с предметом не одной лишь криминологии, а всеми правовыми науками, имеющими предметное отношение к воздействию правовыми средствами на процессы детерминации преступности. В свою очередь, как научная категория противодействие преступности имеет общенаучный характер, поскольку объединяет предметные аспекты научного интереса деликтологии, виктимологии, политологии, социологии, психологии, экономики, педагогики и других наук, вовлеченных в познание преступности и ее предупреждения.

Признавая термин «противодействие преступности» родовым, к таковым следует отнести и понятие «политика противодействия преступности», которое по своему содержанию является близким понятию «антикриминальная политика». И в законодательстве, и в научной литературе данные понятия используются для характеристики всей системы реагирования на преступность.

Значимыми направлениями в структуре политики противодействия выступают криминологическая политика и уголовная политика. Как справедливо отмечает О.В. Дамаскин, «изучение истории уголовного права и криминологии позволяет констатировать, что только на основе криминологического изучения общественно опасных реалий может объективно развиваться уголовная политика, а уголовное право может разрабатывать уголовно-правовые нормы об ответственности за общественно опасные деяния, адекватные криминологическим обоснованиям» [49, с. 115]. Отрыв криминологической политики от уголовной выглядит искусственным, подчеркивает А.И. Коробеев [1, с. 11]. И с этим нельзя не согласиться. Однако вопросы соотношения названных политик во многом зависят от развития криминологии и иных научных направлений.

В структуре современного научного знания пока еще только формируются теория национальной безопасности, правовая теория мер безопасности, концепция криминологической безопасности, деликтология, девиантология, виктимология, достижения которых неизбежно актуализируют вопросы содержания и иерар-

хии различных политик. Придание уголовной политике статуса родовой политики в вопросах реагирования на преступность в перспективе научного развития будет все больше приобретать признаки архаизма, поскольку в статусе таковой ей не удалось повесомо закрепиться ни в науке, ни в законодательстве, ни в социально-политических документах.

Уголовная политика по своему объему соответствует законодательному направлению борьбы с преступностью, которое раскрывается как выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений. Именно в отношении борьбы с преступностью и должна осуществляться уголовная политика, но не шире. Такое понимание уже находит свое отражение в содержании научной дискуссии, когда предлагается «вывести меры общесоциального характера за рамки уголовной политики, оставив ей только то, что непосредственно направлено на борьбу с преступностью. В противном случае истинные цели и задачи, стоящие перед социальной политикой и ее составной частью — уголовной, будут искажены» [1, с. 8]. По своей сути уголовная политика и есть политика борьбы с преступностью, реализуемая правоохранительными органами с использованием средств уголовно-правового воздействия.

Криминологическая политика соответствует законодательному направлению предупреждения преступности. Содержание такой политики, ее место и роль в структуре политики противодействия преступности пока остаются открытыми для дальнейших научных исследований. Следует признать, что в настоящее время ни одна из наук, кроме криминологии, не включает в свой предмет изучение преступности и ее предупреждение в качестве основных вопросов, так же как ни одна из наук не обладает необходимой методологией, а также разработанным научным инструментарием для формирования целостной системы профилактики преступности, и в первую очередь ее правовых аспектов. Именно криминология в силу своего предмета должна выступить координатором научного осмысления и унификации понятийно-категориального аппарата противодействия преступности. Однако сможет ли она справиться с этими задачами, покажет время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография / А.И. Коробеев. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 352 с. — EDN MTZUFG.

2. Лист Ф. фон. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. фон Лист ; сост. В.С. Овчинский. — Москва : Инфра-М, 2023. — 104 с.
3. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / М.П. Чубинский. — Харьков : Печат. дело, 1905. — 534 с.
4. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики : учеб. пособие / П.С. Дагель. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. — 124 с.
5. Маслов В.А. Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики / В.А. Маслов. — DOI 10.35427/2073-4522-2021-16-5-maslov. — EDN FNHAYE // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2021. — Т. 16, № 5. — С. 104–123.
6. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном / А.И. Александров. — EDN YQRAFU // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 4. — С. 34–44.
7. Недотко Ю.В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.В. Недотко. — Челябинск, 2005. — 170 с.
8. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права / Г.Ю. Лесников. — EDN LOEBPO // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. — 2008. — № 8. — С. 73–76.
9. Бойко А.И. Системная среда уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Бойко. — Москва, 2008. — 460 с.
10. Лопашенко Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. — Москва : Волтерс Клувер, 2009. — 579 с. — EDN QQZKED.
11. Бабаев М.М. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — EDN PCHYSX // Государство и право. — 2012. — № 8. — С. 35–45.
12. Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция / Э.Ф. Побегайло. — EDN IBLNUB // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2007. — № 9. — С. 6–15.
13. Максимов С.В. Новейшая уголовная политика России: опыт и уроки непрерывного реформирования / С.В. Максимов. — EDN UPGHCY // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 4. — С. 16–22.
14. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики : монография / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Проспект, 2014. — 296 с.
15. Коробеев А.И. Обсуждение нового уголовного законодательства: «круглый стол» кафедры уголовного права Юридического института ДВГУ / А.И. Коробеев. — EDN TMHBFP // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1998. — № 2. — С. 211–218.
16. Криминология : учебник / отв. ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. — Москва : Юрид. лит., 1979. — 304 с.
17. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций / А.И. Алексеев. — Москва : Щит-М, 1999. — 340 с.
18. Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. — Москва : Волтерс Клувер, 2005. — 640 с.
19. Криминология : учеб. пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. — Санкт-Петербург : Питер, 2013. — 303 с. — EDN TXBRVN.
20. Мацкевич И.М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации / И.М. Мацкевич. — EDN HWHTBD // Lex Russica. — 2006. — Т. 65, № 3. — С. 524–541.
21. Иншаков С.М. Криминология : учебник / С.М. Иншаков. — Москва : Юриспруденция, 2000. — 432 с. — EDN RWFENK.
22. Курс советской криминологии: предупреждение преступности : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. — Москва : Юрид. лит., 1986. — 352 с.
23. Криминология : учебник / под ред. Г.А. Аванесова. — Москва : Юнити-Дана, 2005. — 480 с.
24. Алауханов Е.О. Криминология : учебник / Е.О. Алауханов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2011. — 608 с. — EDN RYRVWX.
25. Антонян Ю.М. Криминология : учебник / Ю.М. Антонян. — Москва : Юрайт, 2012. — 523 с. — EDN QSGUIZ.
26. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть / В.В. Лунеев. — Москва : Юрайт, 2012. — 1003 с. — EDN VTTCWB.
27. Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой. — Москва : Норма : Инфра-М, 2014. — 1008 с.
28. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник / Д.А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2006. — 561 с.
29. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 384 с.
30. Клейменов М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. — Москва : Норма, 2018. — 400 с. — EDN PACBGR.
31. Советская криминология : учебник / под ред. А.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева. — Москва : Юрид. лит., 1966. — 320 с.
32. Теоретические основы предупреждения преступности / отв. ред. В.К. Звирбуль, В.В. Ключков, Г.М. Миньковский. — Москва : Юрид. лит., 1977. — 256 с.
33. Астанин В.В. К вопросу возвращения академической криминологии / В.В. Астанин. — EDN XQYZSH // Мониторинг правоприменения. — 2018. — № 1. — С. 12–14.
34. Горшенков Г.Н. Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале / Г.Н. Горшенков. — EDN WMACZX // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3. — С. 300–302.
35. Джатиев В.С. О российской антикриминальной политике / В.С. Джатиев. — EDN SEDPXB // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2014. — № 2. — С. 31–37.

36. Номоконов В.А. Антикриминальная политика: методологические и теоретические основы / В.А. Номоконов. — EDN WKSQZL // Уголовная политика и правоприменительная практика : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 30 окт. 2020 г. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 75–80.
37. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография / С.Ф. Милюков. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, 2000. — 278 с.
38. Прокументов Л.М. Криминология. Общая часть : учебник / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. — Томск : ДиВо, 2007. — 230 с. — EDN XUULZF.
39. Лунеев В.В. К проекту закона о предупреждении преступности / В.В. Лунеев. — EDN WNBUPD // Государство и право. — 1996. — № 11. — С. 41–43.
40. Кабанов П.А. О кодификации российского криминологического законодательства: рассуждения по случаю / П.А. Кабанов. — EDN YATKHB // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 1. — С. 21–25.
41. Клейменов М.П. Криминологическое законодательство / М.П. Клейменов. — EDN YGTWZD // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2017. — № 1. — С. 179–184.
42. Орлов В.Н. Основы криминологического права : учебник / В.Н. Орлов. — Москва : Криминол. б-ка, 2016. — 668 с.
43. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности / Д.А. Шестаков. — EDN VKUJIT // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 1 (28). — С. 47–50.
44. Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в системе противодействия коррупции / И.А. Дамм. — DOI 10.7256/2454-0668.2018.4.27591. — EDN YLIAOT // Национальная безопасность / Nota Bene. — 2018. — № 4. — С. 33–42.
45. Дамм И.А. Противодействие коррупции: вопросы понятийно-категориального аппарата / И.А. Дамм. — DOI 10.25136/2409-7543.2018.3.26684. — EDN YKKZRI // Вопросы безопасности. — 2018. — № 3. — С. 22–33.
46. Дуюнов В.К. Цели государственной политики в сфере противодействия преступности / В.К. Дуюнов. — DOI 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1417. — EDN VFYIXM // Евразийский союз ученых. Сер.: Экономические и юридические науки. — 2021. — № 7. — С. 22–30.
47. Щедрин Н.В. О необходимости терминологической конвенции (на примере общей теории предупреждения преступлений) / Н.В. Щедрин. — EDN UICBPX // Российский криминологический взгляд. — 2014. — № 1. — С. 280–284.
48. Толкалов словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.
49. Дамаскин О.В. Криминологические аспекты формирования современной уголовно-правовой политики как основы законотворческой и правоприменительной практики / О.В. Дамаскин. — EDN WXOKBJ // Вестник Екатеринбургского института. — 2016. — № 2 (34). — С. 115–120.

REFERENCES

1. Korobeev A.I. *Criminal Law Policy of Russia: from Genesis to Crisis*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 352 p. EDN: MTZUFG.
2. Liszt F. von. *The Crime as a Social-Pathological Phenomenon: Lecture*. Dresden, Zahn & Jaensch, 1899. 27 p. (Russ. ed.: List F.; Ovchinskii V.S. (ed.). *Tasks of Criminal Policy. Crime as a Socio-Pathological Phenomenon*. Moscow, Infra-M Publ., 2023. 104 p.).
3. Chubinskii M.P. *Essays on Criminal Policy: Concept, History and Key Problems of Criminal Policy as a Constituent Element of the Science of Criminal Law*. Khar'kov, Pechatnoe Delo Publ., 1905. 534 p.
4. Dage' P.S. *Problems of Soviet Criminal Policy*. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1982. 124 p.
5. Maslov V.A. Criminal Policy: Definition and Place in the Criminal Policy Structure. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 104–123. (In Russian). EDN: FNHAYE. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-maslov.
6. Aleksandrov A.I. Criminal Policy in the Russian Federation. Once Again about the Most Important. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Present*, 2017, no. 4, pp. 34–44. (In Russian). EDN: YQRAFU.
7. Nedotko Yu.V. *Trends in Russian Criminal Law Policy of the Post-Soviet Period*. Cand. Diss. Chelyabinsk, 2005. 170 p.
8. Lesnikov G.Yu. Problems of a Parity of a Criminal Policy and Criminal Law. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Philosophy. Sociology. Law*, 2008, no. 8, pp. 73–76. (In Russian). EDN: LOEBPO.
9. Boiko A.I. *Systemic Environment of Criminal Law*. Doct. Diss. Moscow, 2008. 460 p.
10. Lopashenko N.A. *Criminal Policy*. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 579 p. EDN: QQZKED.
11. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Changes in Russian Criminal Law and their Criminal Policy Assessment*. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2012, no. 8, pp. 35–45. (In Russian). EDN: PCHYSX.
12. Pobegailo E.F. Criminal Policy of Modern Russia: the Author's Concept. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of Immanuel Kant Russian State University*, 2007, no. 9, pp. 6–15. (In Russian). EDN: IBLNUB.
13. Maksimov S.V. The Modern Criminal Policy of Russia: Experience and Lessons of Continuous Reform. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 4, pp. 16–22. (In Russian). EDN: UPGHCY.
14. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Problems of Russian Criminal Policy*. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 296 p.
15. Korobeev A.I. Discussions on the New Criminal Legislation: a "Round Table" at the Department of Criminal Law of the Law Institute of Far Eastern State University. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 2, pp. 211–218. (In Russian). EDN: TMHBFP.
16. Zvirbul' V.K., Kuznetsova N.F., Min'kovskii G.M. (eds.). *Criminology*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1979. 304 p.
17. Alekseev A.I. *Criminology*. Moscow, Shchit-M Publ., 1999. 340 p.
18. Kuznetsova N.F., Luneev V.V. (eds.). *Criminology*. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 640 p.
19. Burlakov V.N., Kropachev N.M. (eds.). *Criminology*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2013. 303 p. EDN: TXBRVN.
20. Matskevich I.M. *Theoretical Concept of Crime and its Operationization*. *Lex Russica*, 2006, vol. 65, no. 3, pp. 524–541. (In Russian). EDN: HWHTBD.

21. Inshakov S.M. *Criminology*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2000. 432 p. EDN: RWFENK.
22. Kudryavtsev V.N., Karpets I.I., Korobeinikov B.V. (eds.). *A Course of Soviet Criminology: Crime Prevention*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1986. 352 p.
23. Avanesov G.A. (ed.). *Criminology*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2005. 480 p.
24. Alaukhanov E.O. *Criminology*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2011. 608 p. EDN: RYRVWX.
25. Antonyan Yu.M. *Criminology*. Moscow, Yurait Publ., 2012. 523 p. EDN: QSGUJZ.
26. Luneev V.V. *A Course of the World and Russian Criminology*. Moscow, Yurait Publ., 2012. Vol. 1. 1003 p. EDN: VTTCWB.
27. Dolgova A.I. (ed.). *Criminology*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2014. 1008 p.
28. Shestakov D.A. *Criminology. New Approaches to Crime and Criminality. Criminogenic Laws and Criminological Legislation. Corruption Counteraction in the Changing World*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2006. 561 p.
29. Gilinskii Ya.I. *Criminology. Theory, History, Empirical Basis, Social Control*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 384 p.
30. Kleimenov M.P. *Criminology*. Moscow, Norma Publ., 2018. 400 p. EDN: PACBGR.
31. Gertsenzon A.A., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. (eds.). *Soviet Criminology*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1966. 320 p.
32. Zvirbul' V.K., Klochkov V.V., Min'kovskii G.M. (eds.). *Theoretical Basis of Crime Prevention*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1977. 256 p.
33. Astanin V.V. On the Issue of Return of Academic Criminology. *Monitoring pravoprimereniya = Monitoring Law Enforcement*, 2018, no. 1, pp. 12–14. (In Russian). EDN: XQYZSH.
34. Gorshenkov G.N. Anticriminal Policy in the Context of the General Theoretical Science of the Criminal. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2016, no. 3, pp. 300–302. (In Russian). EDN: WMACZX.
35. Dzhatiev V.S. On Russian Anti-criminal Policy. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2014, no. 2, pp. 31–37. (In Russian). EDN: SEDPXB.
36. Nomokonov V.A. Anticriminal Policy: Methodological and Theoretical Basis. *Criminal Policy and the Practice of Law Enforcement. Materials of the VIII International Scientific Conference, Saint Petersburg, October 30, 2020*. Saint Petersburg, 2020, pp. 75–80. (In Russian). EDN: WKSQZL.
37. Milyukov S.F. *Russian Criminal Legislation: An Experience of Critical Analysis*. Saint Petersburg, St. Petersburg Institute of International Trade, Economics and Law Publ., 2000. 278 p.
38. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Criminology. General Part*. Tomsk, DiVo Publ., 2007. 230 p. EDN: XUUZLF.
39. Luneev V.V. To the Draft Law on Crime Prevention. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1996, no. 11, pp. 41–43. (In Russian). EDN: WNBUPD.
40. Kabanov P.A. On Codification of Russian Criminological Legislation: Ad Hoc Speculations. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2018, no. 1, pp. 21–25. (In Russian). EDN: YATKHB.
41. Kleymenov M.P. Criminological Legislation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2017, no. 1, pp. 179–184. (In Russian). EDN: YGTWZD.
42. Orlov V.N. *Basics of Criminological Law*. Moscow, Kriminologicheskaya Biblioteka Publ., 2016. 668 p.
43. Shestakov D.A. Criminological Legislation and the Law of Counteracting Crime. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2013, no. 1, pp. 47–50. (In Russian). EDN: VKUZIT.
44. Damm I.A. Anticorruption Prevention in the System of Counteracting Corruption. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene = National Security / Nota Bene*, 2018, no. 4, pp. 33–42. (In Russian). EDN: YLIAOT. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.4.27591.
45. Damm I.A. Counteracting Corruption: Issues of Conceptual-Categorical Apparatus. *Voprosy bezopasnosti = Security Issues*, 2018, no. 3, pp. 22–33. (In Russian). EDN: YKKZRI. DOI: 10.25136/2409-7543.2018.3.26684.
46. Duynov V.K. State Policy Objectives in the Field of Combating Crime. *Evrasiiskii soyuz uchenykh. Seriya: ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Eurasian Union of Scientists. Series: Economic and Legal Sciences*, 2021, no. 7, pp. 22–30. (In Russian). EDN: VFYIXM. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1417.
47. Schedrin N.V. On the Necessity of Terminological Convention (at the Example of the General Theory of Criminality Prevention). *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2014, no. 1, pp. 280–284. (In Russian). EDN: UICBPX.
48. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (eds.). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
49. Damaskin O.V. Criminological Aspects of Forming Modern Criminal Law Policy as Basics of Lawmaking and Law Enforcement Practice. *Vestnik Ekaterinskogo instituta = Bulletin of Ekaterinsk Institute*, 2016, no. 2, pp. 115–120. (In Russian). EDN: WXOKBJ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дамм Ирина Александровна — заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, руководитель департамента по профилактике коррупционных правонарушений Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: idamm@sfu-kras.ru.

Тарбагаев Алексей Николаевич — заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета, главный научный со-

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Damm, Irina A. — Head, Department of Delictology and Criminology, Law Institute, Siberian Federal University, Head, Center for Corruption Prevention, Siberian Federal University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Krasnoyarsk, the Russian Federation; e-mail: idamm@sfu-kras.ru.

Tarbagayev, Aleksey N. — Head, Department of Criminal Law, Law Institute, Siberian Federal University, Head Researcher, Center for Corruption Counteraction and Forensic Examinations, Siberian Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federa-

трудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: atarbagaev@sfu-kras.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дамм И.А. Политика противодействия преступности: вопросы понятийно-категориального аппарата / И.А. Дамм, А.Н. Тарбагаев. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(5).397-410. — EDN SOIXAZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 5. — С. 397–410.

tion, Krasnoyarsk, the Russian Federation; e-mail: atarbagaev@sfu-kras.ru.

FOR CITATION

Damm I.A., Tarbagaev A.N. Corruption Counteraction Policy: Issues of Conceptual-Categorical Apparatus. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 5, pp. 397–410. (In Russian). EDN: SOIXAZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(5).397-410.